

Подготовил Егор Шилов
(По материалам пресс-бюро СВР России)

КАК БЫЛА ЛИКВИДИРОВАНА ЯДЕРНАЯ МОНОПОЛИЯ США

20 декабря 2010 года Служба внешней разведки России отмечает свой 90-летний юбилей. За этот большой исторический период внешняя разведка вписала немало славных страниц в летопись нашего государства. Однако из множества интересных и успешных операций особо следует выделить получение сверхсекретных материалов по американскому ядерному Манхэттенскому проекту (название в США – проект «Энормоз»). В целом благополучно пережившие Вторую мировую войну американцы потратили на создание атомной бомбы 4 года. Истерзанный же войной Советский Союз с его ограниченной научно-технической базой, нехваткой людских ресурсов и материальных средств решил аналогичную задачу почти в такие же сроки – благодаря информации, добытой советской разведкой. Но главный результат той работы наших разведчиков – многолетнее существование человечества без ядерных войн, поскольку в секретной директиве Объединенного комитета начальников штабов США № 1496/2, разработанной в сентябре 1945 года, СССР уже рассматривался не как союзник, а как враг номер один, войну с которым следует вести с помощью атомного оружия.

Манхэттенский проект

Манхэттенский проект представлял собой обособленную организацию, включавшую несколько строго засекреченных и изолированных друг от друга объектов, подчиненных генералу Л. Гровсу, который был подотчетен только военному министру, а через него президенту США. Главным объектом проекта была научно-исследовательская лаборатория в Лос-Аламосе, где разрабатывались конструкция и технология атомной бомбы (численность личного состава лаборатории с обслуживающим персоналом составляла 45 тысяч человек).

«Генеральная задача Манхэттенского проекта, – отмечал его руководитель генерал Лесли Гровс, – была двоякой: во-первых, создать оружие, способное обеспечить нашу победу в войне, и, во-вторых, сделать это раньше наших противников. Чтобы справиться с этими задачами, мы должны были работать ускоренными темпами...» И такие темпы реализации Манхэттенского проекта не только выдерживались, но и превратились в опасную спешку, хотя необходимости в этом, исходя из стратегической ситуации, сложившейся к середине 1943 года (особенно после поражения немцев на Курской дуге), уже не было.

В составе Манхэттенского проекта была сформирована Служба безопасности, которая действовала независимо от ФБР и военной контрразведки, также опекавших главные объекты. Соблюдение конспирации осуществлялось с особой тщательностью. Все сотрудники, имевшие отношение к проекту, проверялись «до третьего колена», за ними был установлен контроль, как говорится, по полной программе: анкетирование, наблюдение, цензура, прослушивание телефонных переговоров и т. п. К ведущим специалистам были приставлены личные охранники, сопровождавшие их повсюду. Главной особо оберегаемой тайной являлась конечная цель проекта. Из 150 тысяч сотрудни-

ков, занятых в Манхэттенском проекте, только 10–15 человек были в курсе задач и всего объема работ. Переписка между объектами была сведена к минимуму и тщательно кодировалась. Вот, например, текст телеграммы о пуске в Чикаго ядерного реактора 2 декабря 1942 года, адресованной генералу Гровсу: «Итальянский мореплаватель благополучно высадился в Новом свете. Туземцы настроены дружелюбно». Итальянский мореплаватель – это создатель реактора Энрико Ферми, эмигрировавший из Италии, туземцы – комиссия по проверке и оценке работы реактора.

В течение всего периода Второй мировой войны США тщательно скрывали работы по Манхэттенскому проекту, только Англия была в курсе этих работ. Более того, в англо-американском соглашении, подписанном в Квебеке в июле 1943 года, указывалось, что атомная бомба будет «решающим фактором в послевоенном мире и даст абсолютный контроль тем, кто обладает ее секретом». Президент Франклин Рузвельт и премьер Уинстон Черчилль обязались не передавать третьей стороне информацию о Манхэттенском проекте «без взаимного согласия». Этим же соглашением предусматривалось, что решение об использовании атомного оружия должно приниматься также по взаимному соглашению. Манхэттенский проект оставался секретом в том числе и для руководящего состава администрации США. Даже госдепартамент до начала Ялтинской конференции 1945 года ничего не знал о проекте, а вице-президент Гарри Трумэн был полностью проинформирован о нем только после смерти президента Франклина Рузвельта. В беседах с окружением генерал Гровс не раз с гордостью подчеркивал, что ему удалось создать непроницаемую завесу, сохранившую секреты Манхэттенского проекта.

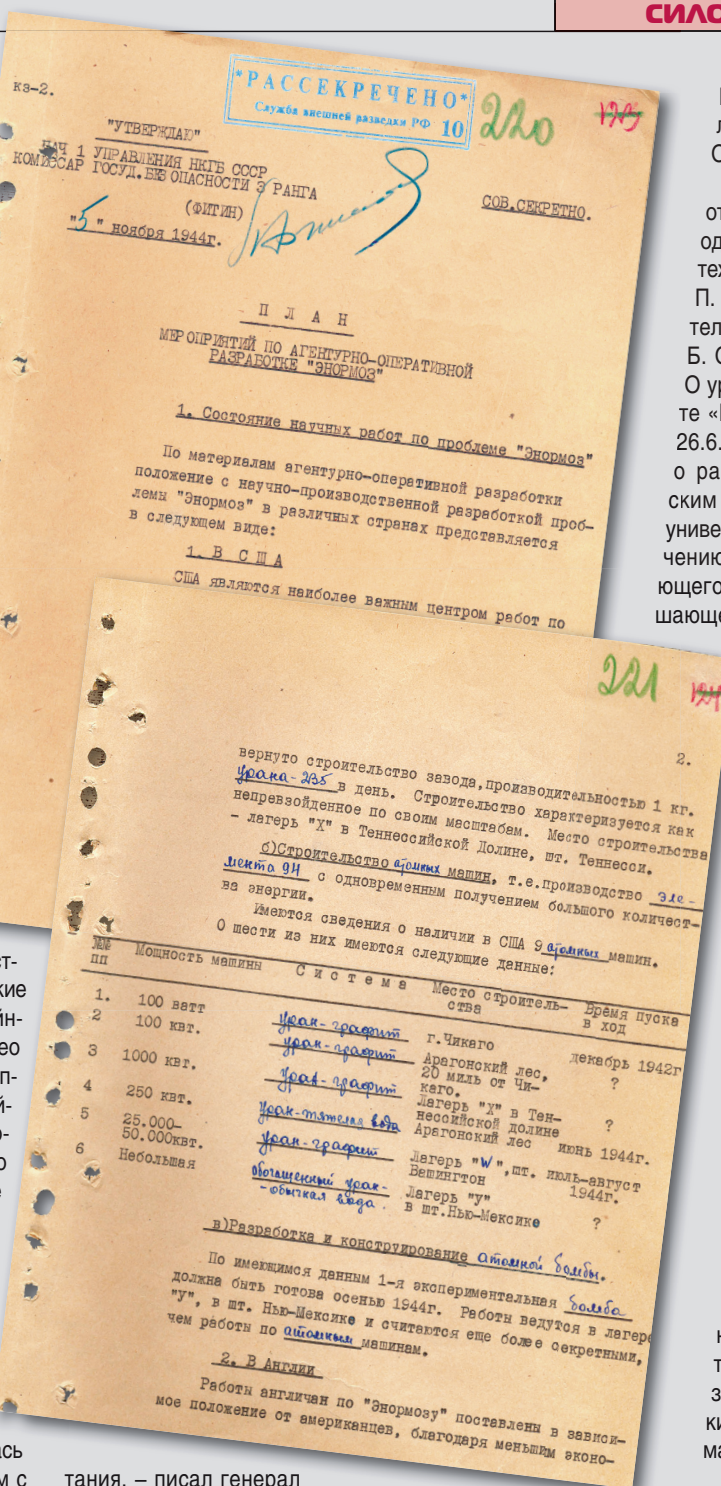
При оценке Манхэттенского проекта нельзя не сказать об условиях его реализации, которые оказались исключительно благоприятны-

ми для Соединенных Штатов. В западной военной периодике подчеркивается, что программа создания сверхоружия, осуществленная, к тому же, в ходе войны, была под силу только такому государству, как США, располагавшему мощным научно-техническим потенциалом, колоссальным ВПК, огромными запасами промышленных и материальных ресурсов, развитой инфраструктурой, почти неограниченными финансовыми возможностями (общие затраты на реализацию Манхэттенского проекта оцениваются в пределах 2–4 млрд. долларов, сумма по тому времени огромная) и, конечно же, известной американской деловитостью. Все это так. Однако ко всем этим факторам необходимо добавить еще два, значение которых в реализации проекта, судя по всему, можно считать решающим.

Итак, фактор первый: теоретическое, научно-исследовательское обеспечение Манхэттенского проекта. В этом отношении Соединенным Штатам крупно повезло: на их территории в конце 1930-х годов оказалось немало виднейших ученых в области ядерной физики, бежавших от преследований фашистских режимов в Европе. Среди них были такие звезды первой величины, как Альберт Эйнштейн – автор теории относительности; Лео Сциллард, обосновавший возможность цепной ядерной реакции; Нильс Бор – крупнейший теоретик в области ядерных исследований; Энрико Ферми – создатель ядерного реактора, и ряд других ученых, в том числе талантливый немецкий физик Клаус Фукс, внесший большой вклад в успех Манхэттенского проекта. Одних только лауреатов Нобелевской премии, занятых в реализации проекта, насчитывалось 12 человек.

Фактор второй: Манхэттенский проект осуществлялся в условиях стабильной, спокойной стратегической ситуации. В самом деле, территория США не подвергалась ни воздушным бомбардировкам, ни ударам с моря, ни вторжению вражеских войск. От всего этого Америка была прикрыта двумя океанами. Американцы не испытывали голода, лишения, они не знали, что такое массовая эвакуация людей и промышленных предприятий. Все американские заводы, фабрики, транспорт, связь, энергетика, учебные заведения функционировали в нормальном режиме, обслуживая объекты Манхэттенского проекта, заказы которых по решению правительства считались первоочередными.

Таким образом, совокупность упомянутых факторов позволила Соединенным Штатам успешно завершить реализацию Манхэттенского проекта. 16 июля 1945 года ранним утром на полигоне Аламогордо (штат Нью-Мексико) был осуществлен взрыв первой в мире атомной бомбы, установленной на специальной башне высотой 33 метра. «Успех испы-

Выполнение этой задачи началось еще до начала Великой Отечественной войны.

В оперативном письме № 1 от 27 января 1941 года, которое один из руководителей научно-технической разведки в Москве П. М. Фитин направил заместителю резидента в Нью-Йорке Г. Б. Овакимяну, говорилось: «30. О уране-235. В шанхайской газете «Норе Чайна Дейли Ньюс» от 26.6.40 г. была помещена статья о работе, проводимой физическим отделением Колумбийского университета (Нью-Йорк), по получению нового вещества, обладающего громадной энергией, превышающей энергию угля в несколько миллионов раз, это

вещество названо «11-235». О первых результатах этой работы было напечатано в официальном органе американских физиков – в «Физикел ревью». В конце февраля прошлого года в университете Миннесоты (Миннесоты. – Прим. ред.) под наблюдением проф. Альфреда О. Ниера это вещество в минимальных количествах было якобы получено в чистом виде и испытано при помощи колумбийского 150-тонного циклотрона (установка для дробления атома в Колумбийском университете)... Испытания дали положительный результат и стимулировали дальнейшие усилия в этой работе. Данной проблемой много занимаются и советские физики, и, по-видимому, эта проблема реальна...»

В 1939 году советские ученые Курчатов, Флеров, Харитон, Зельдович и другие пришли к выводу, что создание атомного оружия – это идея не столь уж далекого будущего. Сотрудники Института химической физики Яков Зельдович и Юлий Харитон провели расчеты цепных реакций и определили порядок критической массы урана-235. Она составила около 10 кг. В лаборатории ядерной физики в Физико-техническом институте, который возглавлял академик А. Ф. Иоффе, Георгием Флеровым и Константином Петраковым в 1940 году было зарегистрировано спонтанное, без облучения нейтронами, деление тяжелых ядер урана. В этой связи Академия наук постановила считать ядерную физику одним из своих кардинальных направлений.

Вскоре в Чикаго физику Энрико Ферми удалось осуществить ядерную реакцию. Научно-техническая разведка СССР отметила, что

тания, – писал генерал

Гровс в докладной записке военному министру Стимсону, – превзошел самые оптимистические прогнозы...». Мощность бомбы оценивалась «как эквивалентная энергии взрыва 15–20 тыс. тони тринитротолуола... Однако наша основная цель еще не достигнута, только проверка бомбы в боевых условиях может решить исход войны с Японией». Как известно, 6 и 9 августа США взорвали атомные бомбы над японскими городами Хиросима и Нагасаки, а после окончания Второй мировой войны приступили к интенсивной подготовке средств массового поражения.

Этапы «атомной» разведки

Добывание информации о создании на Западе ядерного оружия, а затем о планах его использования являлось одной из самых приоритетных задач внешней разведки России.

Соверш. секретно.
Заместителю Председателя Совета Народных
Комиссаров Союза ССР
т. Первухину М. П.

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

Произведение мной, рассмотрение материала показало, что получение его имеет громадное, неосцени-
мое значение для нашего государства и науки.

С одной стороны материал показал серьезность и напряженность научно-исследовательской
работы в Англии по проблеме урана, с другой
дал возможность получить весьма важные ориентиры
для нашего научного исследования, отметить многие
весьма трудоемкие фазы разработки проблемы
и узнать о новых научных и технических путях
ее разрешения.

В дальнейшем приводятся соображения по отдельным
разделам материала.

1. Разделение изотопов.

Наиболее ценная часть материалов относится к
задаче разделения изотопов.

1. Единственным рациональным путем ее
решения принимается разделение изотопов при помощи
диффузии через мембрану с мелкими отверстиями.

Предпочтительнее метода диффузии методом центрифуги-
рования для наших физиков и химиков является
неосвоенным. У нас была распространена точка
зрения, согласно которой возможности метода
центрифугирования стали значительно выше
возможностей метода диффузии, который считался
практически неприменимым для разделения изотопов
тяжелых элементов. В соответствии с этой точкой
зрения в начале при постановке работ по проблеме

США и Англию. Приоритетным же направле-
нием в области германских вооружений ста-
ли работы по созданию «самолетов-снарядов»
(так называемого «оружия возмездия»), пред-
назначавшихся для бомбардировок британских
островов, где, по данным немецкой разведки,
началось сосредоточение англо-американских
вооруженных сил для вторжения на континент.
Главной задачей научно-технического отдела
нашей разведки стало отслеживание работ,
ведущихся в рамках так называемого Манхэт-
тенского проекта.

Обеспечивая советских ученых достоверны-
ми научно-техническими данными об американ-
ском проекте, советская разведка отслежива-
ла не только его технологический процесс, но
одновременно добывала важную информацию
о влиянии этого процесса на политику админи-
страции США в отношении Советского Союза.

Первая советская атомная бомба, создан-
ная по образцу взорванной в Аламогордо аме-
риканской бомбы, была успешно испытана 29
августа 1949 года на Семипалатинском поли-
гоне. Тем не менее, как отмечали академики
Ю. Б. Харитон и Ю. Н. Смирнов, еще в 1948
году была начата экспериментальная отра-
ботка оригинальной российской конструк-
ции «ядерного заряда», который был успеш-
но испытан 24 сентября 1951 года, и его взрыв
«представлял собой второе испытание атомно-
го оружия в СССР». В «Арзамасе-16», где соз-
давалась российская атомная бомба, она име-
ла обозначение РДС-1. Мощность РДС-1 была
эквивалентна 22 килотоннам тринитротолуо-
ла. В США первую советскую бомбу называли
«Джо-1», имея в виду Иосифа Сталина (Иосиф
по-английски – Джоозеф).

Так кто же эти отважные люди, сумевшие
добыть секреты Манхэттенского проекта, ока-
завшие помощь советским ученым в создании
атомной бомбы, лишившие Соединенные Штаты
Америки монополии на смертоносное оружие?

Леонид Квасников

Леонид Романович Квасников родился 2 июня
1905 года в семье железнодорожника на неболь-
шой станции Узловая Тульской губернии. Тру-
довую деятельность начал в 17 лет рабочим. В
1926 году окончил в Туле железнодорожный тех-

ученые США

и Англии стали заниматься этой проблемой. А
когда началась война в Европе, обратила вни-
мание на то, что со страниц американских жур-
налов, как по команде, исчезли имена видных
ученых, ранее регулярно печатавших статьи по
проблемам ядерной физики. Стало ясно, что
исследования по урану засекречены по воен-
ным соображениям.

В конце 1940 года в резидентуры в США,
Англии и Германии были разосланы директивы
с указанием приступить к получению сведений
о создании атомного оружия. Нападение Гер-
мании на СССР сделало эту задачу еще более
актуальной – обладание новым оружием могло
существенно изменить ход военных дей-

ствий, а союзники

по антигитлеровской коалиции, имевшие наи-
более полные сведения по расщеплению атома,
не собирались ими делиться с СССР. Вот почему
в Англию и США были направлены сотрудники
разведки, которые обладали нужными научно-
техническими знаниями.

С середины 1943 года внешняя разведка
СССР сосредоточила большие усилия на полу-
чении конкретных сведений о создании ядерной
бомбы в США. Это объяснялось, помимо проче-
го, тем, что в Германии, по имевшимся досто-
верным данным, теоретические исследования
немецких ученых в ядерной области зашли в
тупик, и научные разработки переместились в

никум и стал помощником машиниста, а затем машинистом паровоза.

В 1934 году окончил механический факультет Московского института химического машиностроения (МИХМ). Год работал на Чернореченском химкомбинате в г. Дзержинске Горьковской области, а после этого поступил в аспирантуру Московского института химического машиностроения. В 1938 году, будучи аспирантом, принимал участие в работе специальной комиссии Наркомата оборонной промышленности по обследованию заводов, выпускавших боеприпасы. Внес несколько предложений по автоматизации операций по производству артиллерийских снарядов, которые были внедрены в производство.

Л. Р. Квасников по своим данным мог бы стать крупным ученым или инженером. Но в сентябре 1938 года его направили на работу в органы государственной безопасности.

Путь в разведке Квасников начал с должности старшего оперуполномоченного отделения научно-технической разведки (НТР). В то время неоднократно выезжал в служебные командировки в Германию и Польшу. В период с 1939 по 1942 год был заместителем, а затем начальником отделения НТР. По свидетельству очевидцев, которые знали Л. Р. Квасникова по совместной работе в то время, по натуре он был неразговорчивым, несколько замкнутым человеком, но заботливым и справедливым по отношению к товарищам.

Квасников не порывал связь с наукой и следил за появлением новых научных достижений. Это позволило ему дать своевременную направленность разведывательным поискам.

В сентябре 1941 года один из членов «кембриджской группы» передал лондонской резидентуре сборник документов, посланных «урановым комитетом» премьер-министру У. Черчиллю. Из документов следовало, что Великобритания и США начинают практическую работу по созданию атомной бомбы. Центр исследований был перенесен за океан. Поэтому было принято решение о направлении Л. Р. Квасникова в командировку в США, чтобы он мог там непосредственно наладить работу по добычанию информации об атомном оружии, возглавив научно-техническую разведку в Нью-Йорке.

В январе 1943 года Л. Р. Квасников выехал в Америку, где возглавил линию НТР. В Нью-Йорке он проявил высокий профессионализм и глубокое понимание всего круга проблем, над которыми работали его сотрудники. Из резидентуры в Центр в большом объеме поступала документальная информация и образцы техники по авиации, радиолокации, химии, медицине, представляющие значительный интерес для отечественной промышленности, работавшей на нужды фронта.

Квасникову нередко приходилось принимать решения, руководствуясь здравым смыслом и считая, что на месте ему виднее, чем кому-то другому за десятки тысяч километров от Нью-Йорка. Основной заботой становилась атомная проблема. Под руководством Квасникова были добыты важные материалы по использованию

атомной энергии в военных целях. О предстоящем испытании атомной бомбы нью-йоркская резидентура информировала Центр заблаговременно.

Когда 16 июня 1945 года над пустыней Нью-Мехико поднялся гриб атомного взрыва, основные данные, касающиеся устройства атомной бомбы, материалов, применяемых при ее конструкции, уже находились в распоряжении советских ученых.

После успешного завершения командировки Квасников в ноябре 1945 года на американском пароходе «Натан Тоусон» покинул США. Резидентом НТР был официально назначен А. И. Раина. Но он вернулся в Москву в первой половине 1946 года. Вместо него в качестве и.о. резидента оставался А. А. Яцков.

Вернувшись на Родину, Квасников продолжал работу в центральном аппарате разведки. С 1948 по 1963 год он являлся бессменным начальником отдела НТР. Именно в этой должности проявились его блестящие организаторские способности. Квасников первым в разведке четко определил и сформулировал цели и задачи, стоящие перед научно-технической разведкой Советского Союза. Под его руководством НТР добились серьезных успехов в решении этих задач.

Л. Р. Квасников, к сожалению, был вынужден много времени тратить на то, чтобы отбиваться от некомпетентных указаний тогдашнего руководства КГБ, которое не всегда понимало специфику научно-технических задач, а порой и требований конспирации. Берия, например, потребовал представить ему списки всей агентуры отдела с указанием фамилий и мест работы агентов. Квасников, получив указание, всячески тянул с его выполнением, давал другие списки, будто не понимал, о чем идет речь.

В 1953 году Берия приказал Квасникову сократить аппарат НТР на 50 процентов, потом оставшуюся половину – еще на 50 процентов. «Уволенные» сотрудники, однако, по ходатайству Квасникова получали зарплату по отдельному списку, а не в кассе. В результате удалось сохранить 70 процентов уникального личного состава НТР.

Как вспоминал один из подчиненных Квасникова, «Леонид Романович никогда не рубил сплеча. Прострелившемуся сотруднику давал время исправиться. Были случаи, когда уволенному сотруднику, который был способен хорошо работать, он помогал устроиться на гражданке». Такого же мнения о Квасникове были и другие сотрудники, пришедшие вместе с ним в отдел НТР. При реализации разведывательной информации Квасников поддерживал тесный контакт с учеными-атомщиками, а также с министрами и руководителями профильных предприятий. Характерно, что все они относились к нему с величайшим уважением.

В 1963-1966 годах Квасников работал старшим консультантом при начальнике ПГУ КГБ по научно-технической разведке. В декабре 1966 года вышел на пенсию.

За достижение высоких результатов полковник Л. Р. Квасников был награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного

Знамени, двумя орденами Красной Звезды и медалями СССР.

Леонид Романович Квасников скончался 15 октября 1993 года.

Анатолий Яцков

Анатолий Антонович Яцков родился 31 мая 1913 года в г. Аккерман (ныне г. Белгород-Днестровский в Молдавии).

В 1914 году семья переехала на жительство в Центральную Россию. Учебу Анатолий Яцков продолжил в Большой Грибановке, на Тамбовщине. Работал на местном сахарозаводе, а затем переехал в Москву, где устроился чернорабочим. Жил в бараках на Нижних Котлах, строил гаражи на Хамовническом плацу, слесарил в мастерской и одновременно учился.

В 1937 году А. А. Яцков окончил Московский полиграфический институт и работал инженером-технологом на столичной картографической фабрике им. Дунаева. Активно занимался парашютным спортом.

В 1939 году был рекомендован на работу в органы государственной безопасности. После окончания специальной разведывательной школы некоторое время работал в центральном аппарате разведки, а перед началом Великой Отечественной войны был направлен стажером в резидентуру внешней разведки в Нью-Йорк.

В США Яцков приехал в феврале 1941 года, где был определен в Генеральное консульство СССР в Нью-Йорке. Как говорил сам Анатолий Антонович, «атомной тематикой пришлось заниматься с конца сорок второго – начала сорок третьего года».

Работать по атомной тематике было сложно в связи с очень жестким режимом на объектах. Ряд специалистов считали, что нужно помогать Советскому Союзу, с которым союзники имели соглашение о военном сотрудничестве. Эта их точка зрения не изменилась и после того, как Германия была побеждена. Они опасались, что монополия США на атомную технологию может стать причиной возникновения военного кон-

фликта, тогда как наличие атомного оружия у СССР создаст необходимый противовес.

На расспросы, не было ли страшно, когда добывали документацию по атомной бомбе, Яцков отвечал: «Мы сравнивали свой риск с тем, которому подвергались наши сверстники на фронтах войны с фашистами, в партизанских отрядах. Да, была забота, тревога, чтобы не было срывов, провалов. Было удовлетворение от того, что справились с этим делом, несмотря на отдельные отчаянные моменты, которые скорее переживали наши связники, перевозившие секретные материалы».

Касаясь полемики в средствах массовой информации относительно роли разведки и ученых в создании советского атомного оружия, А. А. Яцков говорил: «Конечно, закрытость темы породила ряд недоумений. Когда академик Александров, который тогда не занимался вплотную этими проблемами, уверял, что ученые все сделали сами, то, видимо, он не был в курсе обстоятельств, которые в полном объеме были известны лишь академику Курчатову, руководившему так называемой лабораторией № 2 и который получал то, что мы по его просьбе добывали».

«С другой стороны, было бы преувеличением, — говорил Яцков, — утверждать, будто разведка сама создала атомную бомбу, — это, конечно, ерунда. Бомбу делали ученые, специалисты, техники, опираясь на научный и экономический потенциал страны».

«Важно, конечно, было то, — добавлял Яцков, — что добытой разведкой информации отвечала степень подготовленности советских ученых. Разумеется, если бы ту же информацию получило какое-нибудь развивающееся государство, эффект был бы иным. А в целом противопоставлять советских разведчиков и ученых неправомерно». На вопрос: «Ваше отношение к атомному оружию?» — Яцков ответил: «Чувство у меня такое: это оружие появилось значительно раньше того, когда оно должно было бы появиться. Общество на нашей грешной земле еще устроено так, что доверять ему такую страшную силу было рано. И его появление — это скорее не источник радости, а дополнительная тревога. Появляется опасность атомного шантажа, угроза, что тебя обгонят, придумают нечто еще более изощренное. И просто возможен человеческий промах, случайности рокового рода».

В командировке Яцкову выпала задача обеспечивать мероприятия по добыче особо секретной информации по созданию атомного оружия, операции, получившей кодовое название «Энормоз».

25 апреля 1945 года военный министр США вручил тогдашнему президенту записку, в которой говорилось: «Через четыре месяца мы завершим работу над оружием, которого не знало человечество». Хозяин Белого дома знал: речь шла об атомной бомбе. Однако знал об этом не только президент США. Подробно осведомлены об этом были и те лица, которым посвящен этот рассказ, а стало быть, и лица, ответственные за состояние советских вооруженных сил и безопасность страны.

Компактов (диаметр стержней 2,8 см, расстояние между центрами стержней 3,5 см) свои увеличит к 90 ^{градусов} значительной частью эти тории, фракционная баллистика количества металлических урана. Мы этого опыта еще сделать не можем. Так как возможности осуществления системы с обычной водой и металлическим ураном крайне облегчат решение задачи создания котла и получения тех самых плутония, было бы исключительным вифро и нечто более подробную информацию по этой системе. Из некоторых экспериментов, выполненных в лаборатории № 2 АН СССР, можно было сделать вывод, что поглощение нейтронов ураном 235, не следуя закону $1/V$. В рассматриваемой области работы содержится определенное указание на эти отступления и на наличие разнородного захвата нейтронов ураном 235 и плутонием 239. Предположительно, что сечение разнородного захвата плутонием 239 дает более приближенно тех же значений, как сечение захвата урана 235. Это находится в самом резком противоречии с теорией явлений деления, данных Борак. Было бы вифро потянуло получить более подробные данные по этому вопросу и узнать также о постановке опыта, в

После заграничной командировки Анатолия Яцкого руководители отдела составили на него служебную характеристику, в которой писали: «В довольно сложных условиях оперативно и грамотно решал поставленные перед ним задачи Центра. Скрытен, интеллигентен и выдержан. Работу хорошо знает и любит. Умеет вербовать и воспитывать своих помощников. Самостоятелен. Делу Родины предан. Учитывая, что Яцков за шесть лет работы в нью-йоркской резидентуре не был расшифрован спецслужбами противника, находился вне их подозрения, полагали бы возможным с учетом знаний английского и французского языков использовать его впредь на работе в одной из загранточек».

Благодаря резидентуре НТР, в состав которой входил Яцков, советская разведка получила в США ключевые расчеты, схемы и чертежи по Манхэттенскому проекту (производство американцами атомной бомбы).

Яцков по возвращении из США некоторое время занимал руководящие должности в центральном аппарате, а затем был направлен на работу заместителем резидента во Францию.

Вернувшись из Западной Европы, Яцков возглавлял факультет в Краснознаменном институте КГБ СССР им. Ю. В. Андропова (ныне Академия внешней разведки). Пользовался исключительным уважением у слушателей и преподавателей за свою честность, прямооту в суждениях.

В 1985 году полковник Яцков вышел в отставку. Однако продолжал поддерживать тесную связь с коллективом, часто выступал перед молодыми сотрудниками разведки. В прессе появлялись его статьи, воспоминания и рецензии.

«Нашу бомбу, — писал Яцков в одной из статей, — создали ученые, инженеры, рабочие, а не разведка. В невероятно сложных условиях и в короткие сроки они сумели создать атомный щит для Родины. Сведения, добытые разведкой, только ускорили эту работу».

За заслуги в разведывательной работе А. А. Яцков был награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, многими медалями СССР.

Анатолий Антонович Яцков скончался 26 марта 1993 года.

Супруги Козны (Крогеры)

В списке героев есть и женщина. Ее настоящее имя – Леонтина-Тереза Петке. Родилась она в штате Массачусетс (США) 11 января 1913 года в семье выходца из Польши Владислава Петке. Рано стала принимать участие в политической деятельности. Вступила в компартию США, была профсоюзной активисткой.

Со своим будущим мужем Моррисом Козном познакомилась на антифашистском митинге в Нью-Йорке. Моррис к тому вре-

мени возвратился из Испании, где участвовал в борьбе с франкистами и был ранен. Отважный американец покорила сердце девушки, и в 1941 году они поженились. Узнав о связях мужа с советской разведкой, Леонтина без колебаний согласилась помогать ему в тайной деятельности.

В годы войны она стала работать в качестве агента-связника резидентуры в Нью-Йорке. Моррис был мобилизован в американскую армию и направлен в Европу для участия в боевых действиях. В конце войны был демобилизован, и оба продолжили сотрудничество с советской внешней разведкой. Начиная с 1943 года резидентура в Нью-Йорке приступила к сбору информации о так называемом «Манхэттенском проекте», о работах ядерного центра в Лос-Аламосе по созданию атомной бомбы. Еще перед тем, как 16 июня 1945 года было проведено первое испытание, в Москве уже знали об основных данных, касающихся устройства бомбы, которые помогали советским ученым создавать свое собственное атомное оружие. Это была рискованная

работа, и Леонтина проявляла при этом удивительную находчивость и самообладание.

Неоднократно работа супругов Кознов оказалась под угрозой раскрытия. Приходилось временно прерывать с ними связь. В 1948 году они были включены в группу, которой руководил разведчик-нелегал В. Фишер, ставший известным под именем Рудольфа Абеля. В 1950 году в связи с предательством в его группе Козны были вывезены в Москву. Здесь Леонтина получила специальную подготовку для работы радистом-шифровальщиком. А в 1954 году супруги с новозеландскими паспортами на имя Питера и Хелен Крогеров прибыли в Лондон, где начали работать в нелегальной группе, которой руководил К. Молодой (псевдоним «Бен»). С 1955 по 1960 год резидентура Бена получила и передала с помощью Кознов-Крогеров в Москву большое количество секретнейших материалов, касавшихся британских программ вооружений, в том числе ракетного оружия.

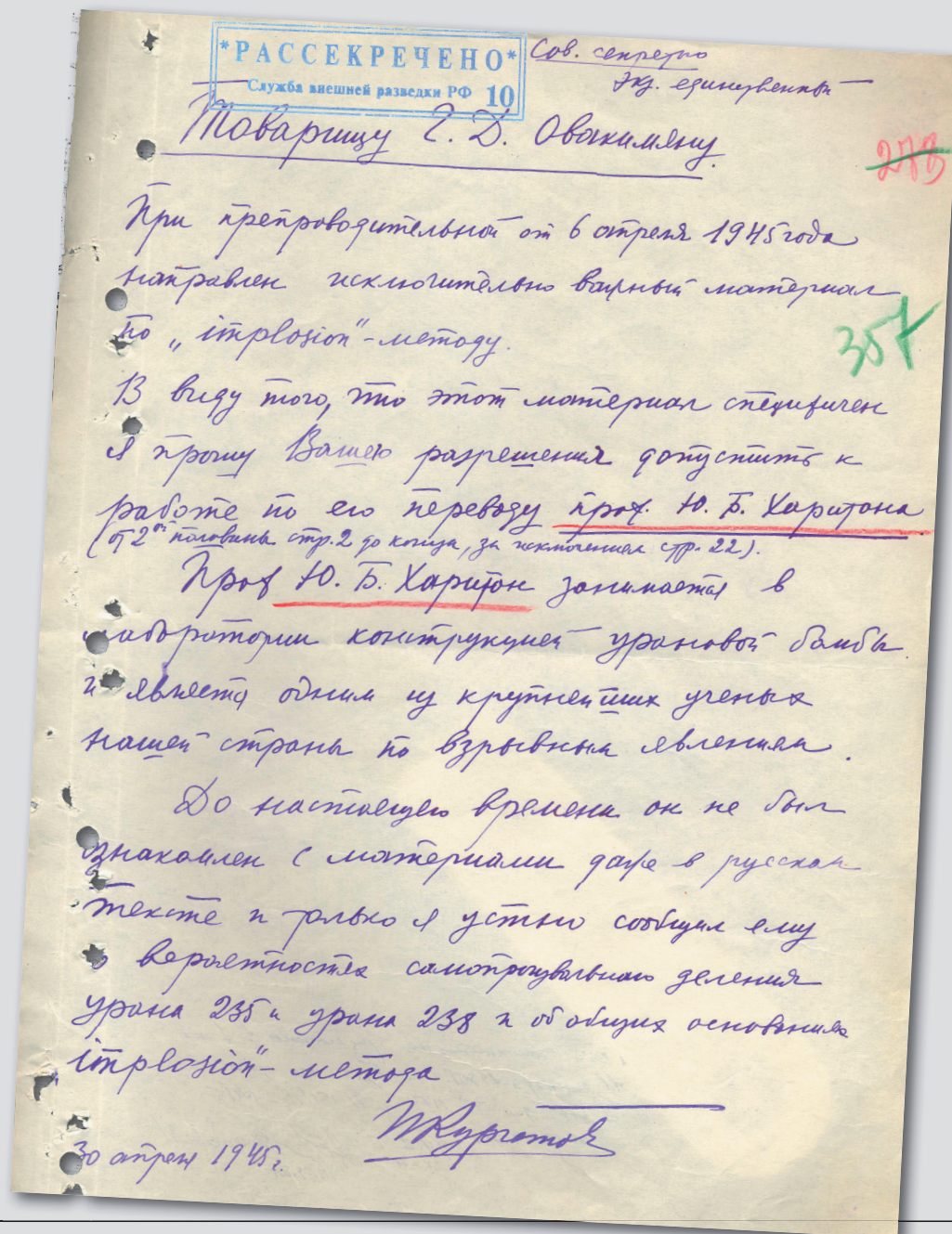
В связи с предательством группа была раскрыта, а Крогеры арестованы. 13 марта 1961 года суд приговорил Хелен Крогер к 20 годам тюремного заключения, несмотря на то что в ходе процесса ее причастность к советской разведке не была доказана.

Хелен-Леонтина содержалась в особо тяжелых условиях, подвергалась тягчайшим унижениям. Здоровье ее было серьезно подорвано. Но ничто не сломило ее стойкости, преданности делу и людям, с которыми она работала.

В 1969 году состоялось освобождение Леонтины и ее мужа: они были обменены на агента британских спецслужб Д. Брука и 25 октября прибыли в Москву. Здесь состоялась их встреча с В. Фишером и К. Молодым.

Леонтина и ее муж продолжали трудиться в управлении нелегальной разведки. Она была награждена орденами Красного Знамени и Дружбы народов.

23 декабря 1993 г. Леонтины Козн не стало. Моррис Козн скончался 23 июня 1995 года.

Владимир Барковский

Владимир Борисович Барковский родился он 16 октября 1913 года в г. Белгороде Курской губернии в семье служащих. После окончания

средней школы в 1930 году работал слесарем на заводе и учился на вечернем рабфаке. В 1934 году стал студентом Московского станкоинструментального института. Активно занимался планерным и парашютным спортом в Московском студенческом аэроклубе. Закончил летную школу ОСОАВИАХИМ и как пилот был приписан к истребительному полку ПВО г. Москвы. В 1939 году, окончив институт, был призван на службу в органы государственной безопасности и направлен в специальную разведывательную школу. И уже в конце 1940 года был направлен на работу в Англию в качестве оперативного сотрудника лондонской резидентуры по линии научно-технической разведки.

Вот как он рассказывал об обстоятельствах того времени: «В 1937–1938 годах органы государственной безопасности существенно пострадали от распространившихся на них репрессий. Ликвидировались целые резидентуры, многие разведчики стали жертвами произвола, агентуру стали подозревать в двурушничестве. Словом, в преддверии войны с Германией разведка была существенно ослаблена.

Понимание того, что вести войну, не имея эффективной разведки, нельзя, привело к решению Политбюро ЦК партии о мерах по усилению разведывательной деятельности в странах «оси» и в других ведущих капиталистических государствах, пополнению разведки кадрами из партийного и советского аппарата и о переходе к стационарной подготовке разведчиков. Так возникла Школа особого назначения. Это позволило приступить к собиранию сил, необходимых для вступления разведки в войну во всеоружии. Эти силы пополнились выпускниками ШОН набора 1939 и 1940 годов, среди которых оказался и автор этих воспоминаний, направленный на работу в английское отделение 5-го отдела ГУГБ НКВД.

С настроением не оплошать я выехал в Лондон в конце ноября 1940 года после непродолжительной стажировки в английском отделе МИД СССР. Примечательным моментом перед выездом из Москвы являлась беседа с В. М. Молотовым. В доброжелательном тоне, хотя и несколько сухо в силу присущих ему черт характера, Молотов рассказал о положении в Англии, о состоянии англо-советских отношений, о политических задачах нашего посольства в Великобритании. Указал, что предстоит серьезная работа, учитывая традиционную недружественную политику ее правящих кругов в отношении Советского Союза.

В Лондон я прибыл в начале февраля 1941 года. Европейский путь был тогда закрыт из-за начавшейся Второй мировой войны, и ехать пришлось через Японию, Гавайские острова, США и вокруг Ирландии в Ливерпуль. Здесь мне довелось принять боевое крещение в полном смысле этого слова. После того как нас устроили в отеле ожидать ночной поезд на Лондон, начался налет немецкой авиации на Ливерпульский порт. Еще днем мы ходили по городу, и вид развалин произвел удручающее впечатление. Теперь же от грохота зениток и разрывов бомб, воя сирен, прямо ска-

жу, человеку, привыкшему к мирной жизни, стало страшновато, но я невольно поддался удивительно спокойному отношению англичан к этому событию и понял, что им свойствен стоицизм, мужество и, как я потом убедился, патриотизм и постоянная готовность постоять за свою страну и рисковать перед лицом опасности. Понял я и то, что отныне этот «шумовой оркестр» будет неизбежным спутником моей жизни и деятельности в Англии, с которым придется считаться, ведя разведывательную работу. Как ни странно, это успокаивало.

В отличие от нью-йоркской резидентуры, лондонская начала свою работу практически с нулевой отметки, ибо в начале 1939 года по указанию Берии она была ликвидирована, а агентурная сеть оставлена на произвол судьбы. Ее надо было оживлять, и в ноябре 1940 года прибыл новый резидент – Анатолий Вениаминович Горский. Он начал свою работу с восстановления связи с «кембриджской пятеркой».

Выход на первую встречу с агентом запомнился на всю жизнь. Получив адрес, данные об агенте и пароль, я прибыл к месту его жительства, но половины его дома не существовало – накануне был налет на Лондон немецких бомбардировщиков. Я взялся помочь какой-то пожилой женщине вытащить ее вещи из-под обломков. В завязавшемся разговоре она сообщила, что в их доме жило несколько европейцев, которых переселили в дом на соседней улице. Там и был найден объект моего интереса.

За этим агентом последовали другие, стал накапливаться опыт ведения разведки в сложных условиях.

Лондонская резидентура явилась пионером в разведывании проблем создания атомного оружия, которое можно считать целой эпопеей в научно-технической разведке, и причастность к ней составляет, по справедливости, предмет гордости всех тех, кто добывал для страны нужную информацию.

Резидент Горский поручил выполнение этой задачи одному из членов «пятерки». В сентябре 1941 года тот передал Горскому подборку материалов. Из них явствовало, что создание атомной бомбы в Англии приняло практические очертания. В подборке были подробные сведения о создании и деятельности «уранового комитета», о технологии производства урана-235, о конструкции атомного заряда атомной бомбы пушечного типа, об исследовательских и промышленных центрах страны. С одобрения Объединенного комитета начальников штабов предполагалось создать атомную бомбу в течение двух лет.

Принеся эту информацию, Горский, учитывая ее насыщенность технической терминологией, поручил мне как инженеру подготовить для Центра обзорную телеграмму. Это было мое первое, может быть, еще не осознанное по степени важности соприкосновение с проблемой атомного оружия. Позже я принял на связь агента, непосредственного участника исследований, проводившихся в Англии. На первой же встрече он оживленно стал мне толковать значение точного определения

величины сечения захвата нейтронов атомами урана-235 для успешного протекания реакции деления. Обнаружив, что все это находится за пределами моего понимания, он поинтересовался, как я думаю строить свою работу с ним дальше. Я предложил передавать ему вопросы наших специалистов, а он будет готовить ответы. Он сказал, что предпочел бы в моем лице иметь дело с человеком, который в состоянии осмысленно участвовать в обсуждении передаваемой им информации. И предложил мне купить американский учебник «Прикладная ядерная физика». Пришлось «сесть за парту». Эта учеба стоила бессонных ночей, но мы оба были довольны, когда однажды он сказал, что теперь со мной можно иметь дело.

Позже появилась потребность в создании агентурной сети из непосредственных участников соответствующих исследований. Один из них по собственному почину вышел через своего знакомого на Горского и в декабре 1941 года передал свой первый материал. После изучения и проверки он был завербован в 1942 году. Второй агент работал в системе «уранового комитета». Третий агент был завербован мной. Таким образом возникла компактная, но эффективная агентурная сеть этого профиля.

Вообще агентурная сеть лондонской резидентуры, как она сложилась в предвоенные годы, состояла из людей, близких нам идейно-политически, начавших и продолжавших сотрудничать с нами исходя из морально-нравственных соображений, людей пунктуальных, инициативных и мужественных.

Вспоминается, как резидент решил однажды вознаградить агента, добывавшего исключительно ценные сведения о радиолокации. Зная этого человека, я понимал, что ни денег, ни ценных подарков он не возьмет. Остановился на обеде. В ресторане он был явно рассержен, почти ничего не ел и не пил, а на мой вопрос, чем объясняется его поведение, ответил: «Сейчас у вас идет битва за Сталинград, мы поставляем вам военную технику и материалы, вы оплачиваете поставки валютой, а ты тратишься на такие пустяки, как этот обед. Прошу в дальнейшем воздержаться от подобных поступков».

Работа в лондонской резидентуре была хорошей школой для накопления опыта разведывательной деятельности. И в моем становлении как разведчика большую роль играли оба резидента: Анатолий Вениаминович Горский (в 1941–1943 гг.) и Константин Михайлович Кукин (в 1943–1946 гг.). В 1946 году окончилась моя командировка, и я вернулся на Родину.

После возвращения на Родину В. Б. Барковский находился на руководящих должностях в центральном аппарате научно-технической разведки. Затем возглавлял резидентуру в Нью-Йорке, пройдя путь от рядового разведчика до резидента, а позже став заместителем руководителя НТР.

В последующем он посвятил себя преподавательской деятельности, являясь профессором одной из кафедр Академии внешней разведки. Кандидат исторических наук. В 1984 году Барковский вышел в отставку по возрасту.

Барковский был награжден орденом Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями.

Владимир Борисович Барковский скончался 21 июля 2003 года.

Александр Феклисов

Александр Семенович Феклисов родился 9 марта 1914 года в г. Москве в семье железнодорожного стрелочника. После семилетки учился в фабрично-заводском училище, затем на рабфаке и одновременно работал на заводе. В 1939 году окончил Московский институт инженеров связи и был призван на работу в органы государственной безопасности. В январе 1941 года был командирован в США в качестве оперативного работника нью-йоркской резидентуры. За это время трижды был в длительных командировках. Феклисов проработал в органах государственной безопасности 35 лет.

Первый раз Феклисов находился в США в командировке с января 1941-го по сентябрь 1946 года. В начальный период он использовался для налаживания работы радиоприемника резидентуры и установления прямой связи с Москвой. Затем осуществил две вербовки и после этого был включен в работу НТР.

В это же время американцы приступили к созданию производственных объектов для изготовления атомной бомбы. За пять лет работы в США Феклисову удалось выполнить целый ряд ответственных заданий Центра по добыванию секретной информации по линии научно-технической разведки.

С сентября 1947-го по апрель 1950 года Феклисов находился на работе в Англии. Он сумел получить секретные документы относительно создания атомного оружия, а также сведения о работе по созданию водородной бомбы.

Третья заграничная командировка Феклисова была снова в США, она продолжалась с августа 1960-го по март 1964 года. На этот раз Феклисов возглавлял резидентуру в

Вашингтоне. Это были годы яростной антикоммунистической пропаганды, опасного Карибского кризиса 1962 года.

В 1974 году Александр Семенович Феклисов в звании полковника вышел в отставку, оставаясь работать в разведке в качестве консультанта до середины 1986 года.

А. С. Феклисов был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета» и многими медалями, был кандидатом исторических наук.

Александр Семенович Феклисов скончался 26 октября 2007 года.

Эпилог

Давно отгремели залпы Второй мировой, канули в лету события «холодной войны», но только к концу XX-го столетия плодотворные труды наших разведчиков были по достоинству отмечены. 15 июня 1996 года был опубликован Указ президента Российской Федерации о присвоении звания Героя России:

Барковскому Владимиру Борисовичу, Квасникову Леониду Романовичу (посмертно), Козн Леонтине (посмертно; её мужу Моррису Козну звание Героя России было присвоено чуть раньше – 20 июля 1995 года), Феклисову Александру Семеновичу, Яцкову Анатолию Антоновичу (посмертно). **АСС**

